
Л. А. МУСАЕЛЯН

ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАВДА: СОДЕРЖАНИЕ И СУЩНОСТЬ КОНЦЕПТА

Понятие «правда» достаточно часто встречается в трудах русских правоведов XIX – начала XX в. В постсоветскую эпоху оно стало исследоваться в философской, экономической, политической публицистике, в искусстве («художественная правда») и повседневной жизни. В последние годы правда наряду с правом стала фактически ключевым понятием во многих публикациях правоведческого и политического характера¹. Большинство авторов, оперирующих этим понятием, считают его интуитивно ясным или отождествляют оное с истиной. Однако из контекста работ становится очевидно, что ни по содержанию, ни по смыслу эти два понятия далеко не тождественны, хотя и связаны между собой. Правда в отличие от истины является недостаточно изученным феноменом. Насколько нам известно, кроме работ Д. И. Дубровского и В. И. Свинцова², в которых в определенной степени затрагивается эта проблема, публикации по этой тематике отсутствуют. Нет работ и по юридической правде. Само понятие «юридическая правда» отсутствует в правоведении, хотя такой правовой феномен, как нам представляется, существует в правоприменительной практике, но он теоретически не осмыслен. Целью настоящей работы является преодоление указанных пробелов, насколько это возможно в рамках одной статьи. Поскольку решения правоприменительных органов в немалой степени зависят от содержания юридической правды, формирующейся в процессе юридического познания, то понят-

---

¹ См., например: Михалков, Н. Право и правда. Манифест просвещенного консерватизма // Интернет-ресурс. Режим доступа: www.polit.ru/kino/2010/10/26/manifest.html; Корокин, В. В. Юридическая публицистика: учебник. – Барнаул, 2009.

² См.: Дубровский, Д. И. Полуправда: ее природа и социальные функции // Философские науки. – 1990. – № 11. – С. 15–27; Он же. Обман. Философско-психологический анализ. – М., 1994; Свинцов, В. И. Правда, которая не является правдой // Свободная мысль. – 1994. – № 2. – С. 30–38.

но, что исследования в этой области имеют не только теоретический интерес.

Право – одно из важнейших достижений человеческой цивилизации, которое на протяжении всей своей истории было в фокусе философии. Подобное внимание к праву со стороны философии обусловлено не только чрезвычайной значимостью этого вида человеческой деятельности для жизни социума, но и тем, что в праве наиболее рельефно проявляются эвристические возможности философии как метатеории науки. Фактически все фундаментальные проблемы права (свобода, ответственность, справедливость и т. д.) в своей ценностной основе являются философскими проблемами, и их решение связано с решением основных философских вопросов. Именно поэтому право по своему духу философично. К числу подобных фундаментальных проблем относится проблема истины и правды. В различных мировоззрениях и в разные исторические эпохи эти вопросы люди воспринимали как важные, смыслообразующие. Тому свидетельство – мировосприятие древних греков. Согласно греческой мифологии, дочь Зевса богиня Дикэ – защитница правды и враг обмана – находится на Олимпе рядом с богиней Фемидой. Она следит за тем, чтобы судьи не нарушали законы, дабы торжествовало правосудие³. В этой легенде необходимо отметить два момента: во-первых, понимание древними греками невозможности осуществления правосудия без правды (истины); во-вторых, высокий ценностный статус правды. Ее представляет не просто богиня, а дочь главного бога Греции – Зевса, олицетворяющего справедливость. Очевидно, что уже на заре цивилизации человечество пришло к пониманию взаимосвязи правды, правосудия (права) и справедливости. Отсюда и известная юридическая формула правосудия: «Говорить всю правду, и только правду, и ничего кроме правды».

Правда (истина) имеет чрезвычайно высокий ценностный статус и в религиозном мировоззрении. Идея утверждения правды как справедливого суда проводится во многих разделах Ветхого Завета, являющегося Священным Писанием иудаизма и христианства. «Не делайте неправды на суде; не будь лицеприятен к нищему и не

---

³ Кун, Н. А. Легенда и мифы Древней Греции. – М., 1998. – С. 15.

угождай лицу великого; по правде суди ближнего твоего», – наставляет Бог (Левит 19: 15). Но эти принципы правосудия, как и многие другие актуальные на сегодняшний день, уже тогда нарушались людьми. Поэтому Бог недоволен судейством: «Вы между тем суд превращаете в яд и плод правды в горечь» (Амос 6: 12). Возмущается Творец и плохим правотворчеством властей, издающих несправедливые законы, ущемляющие права бедных: «Горе тем, которые постановляют несправедливые законы и пишут жесткие решения, чтобы устранить бедных от правосудия и похитить права у малосильных из народа моего...» (Исайя 10: 1–2).

В христианстве правда наряду с мужеством, воздержанием, разумом, рассматривается как одна из четырех апостольских добродетелей, несопоставимых ни с какими материальными благами. Вспомним библейский сюжет из Евангелия, где дьявол искушал Иисуса Христа, предлагая камни превратить в хлеба, символизирующие материальные богатства. «Он же сказал ему в ответ: написано: не хлебом единым будет жить человек, но вечным словом, исходящим из уст Божиих» (Матфей 5: 10). Но слово, исходящее из уст Божиих, есть истина. Человек, живущий по истине и ради истины, есть праведник, ибо живет он по Божьему установлению и для Бога, ибо истина и есть Бог. Познать истину – значит постичь Бога. Поэтому «блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Матфей 5: 10). Иными словами, в религиозном (христианском) мировоззрении правда (истина) имеет смысложизненное значение. Заметим, что в религиозном сознании, как и в обыденной жизни, правда и истина рассматриваются как синонимы.

В научной, публицистической и художественной литературе достаточно давно утвердилось мнение о существовании у русского народа особой правовой ментальности, основанной на правде как высшей смысложизненной ценности. «Русский народ, – писал известный философ права Н. Н. Алексеев, – имеет какую-то свою собственную интуицию политического мира, отличную от воззрений западных народов и в то же время не вполне сходную с воззрениями народов чисто восточных»⁴. «Русский человек с величайшим подъемом ищет “правды” и хочет государство свое построить как

---

⁴ Алексеев, Н. Н. Русский народ и государство. – М., 1998. – С. 69.

“государство правды”⁵. Подобных воззрений придерживались С. Н. Булгаков, И. А. Ильин и другие известные русские религиозные мыслители. Эти идеи получили признание и последующее развитие у некоторых современных российских политиков. «От начала российской истории, – пишут Г. Райков и В. Гальченко, – от “Русской правды” Ярослава Мудрого до “Русской правды” декабриста Пестеля, до нравственных прозрений Толстого и совестного гения Достоевского, до плеяды блестящих отечественных мыслителей XIX и XX вв. Россия вдохновлялась идеалом “государства правды”⁶. Государство правды – это идеал правового строя, «при котором правда, которой располагает человек перед людьми и Богом, определяет смысл, содержание и применение закона»⁷. По мнению авторов, эта особенность русского народа и определяет конфронтацию его правовой интуиции и правового сознания с буквой современного российского либерального закона. Указанная коллизия проявляется и в том, что большинство оправдательных приговоров, вынесенных судом присяжных, оспариваются прокуратурой, а каждый третий вердикт отменяется судом высшей инстанции. Словом, правда, но не право, справедливость, а не закон являются основополагающими принципами жизнедеятельности россиян. Эту позицию разделяет и ученый-правовед, профессор В. В. Сорокин, согласно которому «апелляция к высшей “правде и справедливости в конфликтах и спорах, а не к формальным предписаниям закона: требование судить по правде, а не по закону” есть черты характера русского человека»⁸.

Изложенная точка зрения энергично отстаивается и высшими иерархами Русской православной церкви. Так, в телевизионном выступлении от 22 ноября 2003 г. будущий Патриарх Московский и всея Руси Кирилл утверждал, что для россиян правда, а не право, является определяющим мотивом поступков. С ним солидаризируется и лидер КПРФ Г. А. Зюганов. По мнению последнего, правда и справедливость являются смысложизнеопределяющими ценностями

⁵ Алексеев, Н. Н. Указ. соч. – С. 83.

⁶ Райков, Г. И., Гальченко, В. В. Свобода для человека или человек для свободы // Независимая газета. – 2003 г. – 13 мая. – С. 10.

⁷ Там же.

⁸ Сорокин, В. В. Указ. соч. – С. 372.

ми русского человека⁹. Таким образом, правые и левые, богословы и атеисты единодушно признают в качестве национальных особенностей русских их мотивационную ориентацию на правду и справедливость, которые, как правило, противопоставляются праву и закону. Отсюда можно сделать вывод, что правовой нигилизм также является национальной особенностью россиян. Необходимо отметить, что подобные взгляды существуют и среди западных ученых. Так, согласно С. Хантингтону, отмеченные ментальные особенности россиян являются признаками восточной цивилизации, для которой такие ценности, как конституционализм, права человека, верховенство закона, отделение церкви от государства, имеют очень низкий статус¹⁰.

В приведенных воззрениях нас интересуют прежде всего три момента: во-первых, действительно ли мотивированность на правду есть исключительно российская черта, и если это так, то чем это объяснить; во-вторых, что такое правда; в-третьих, правомерно ли противопоставление правды и права.

Что касается мотивированности русского человека на правду, необходимо заметить, что сторонники этой точки зрения особо не утруждают себя доказательствами справедливости данного тезиса, кроме ссылок на произведения русских писателей и древнерусские юридические источники (Русская Правда). Но можно ли считать объективным доказательством фрагментарные философско-публицистические размышления Ф. М. Достоевского? Они, на наш взгляд, сами требуют глубокого обоснования и объяснения. Не только у россиян, но и у многих других народов древние юридические источники права также назывались правдами. Так, в V–VII вв. существовала Салическая правда франков, в VI–VII вв. – Бургундская и Вестготская правды (Этельберта, Инэ, Альфреда), в XIII в. – Польская правда и т. д. Соответственно не только в русском, но и во многих других языках словам «правда», «право», «справедливость» придается одинаковое значение¹¹. С чем это связано? Нельзя

---

⁹ Семь шагов Г. Зюганова // Российская газета. – 2009 г. – 13 февраля. – С. 10. Близкие идеи содержатся и в скандально известном политическом манифесте Н. Михалкова.

¹⁰ См.: Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций. – М., 2003.

¹¹ См.: Шафиров, В. М. Естественно-позитивное право. Введение в теорию. – Красноярск, 2004.

не заметить, что все перечисленные юридические источники, как и Правда Ярослава Мудрого, Правда Ярославичей и другие документы, входящие в свод древнерусского права, относятся к эпохе Средневековья. Церковь тогда была крупнейшим собственником, а духовенство – единственно образованным классом. «Отсюда, – отмечает Ф. Энгельс, – само собой вытекало, что человеческая догма являлась исходным пунктом и основой всякого мышления. Юриспруденция, естествознание, философия – все содержание этих наук приводилось в соответствие с учением церкви»¹². Библия, в которой правда являлась ключевым понятием в объяснении справедливого суда, была базовым источником правопонимания. Произшедшие в Европе в XVII–XVIII вв. буржуазные революции привели к секуляризации общественной жизни. «Место догмы, божественного права заняло право человека, место церкви заняло государство»¹³. На смену теологического приходит светское, юридическое мировоззрение, ядром которого являлось буржуазное право. Однако буржуазия, как отмечал Энгельс, в борьбе с дворянством еще достаточно долго использует теологическую аргументацию, что получает отражение в лексике, в том числе юридической¹⁴.

В России живучесть в общественном сознании библейских сентенций о праве обусловлена особенностями ее истории. Общеизвестно, что формирование древнерусского этноса и государства произошло относительно поздно и почти совпало с принятием христианства. Вскоре после крещения Руси происходит раскол христианства, который не преодолен до сих пор. Бесспорно то, что в годы лихолетья Русская православная церковь выполняла консолидирующую, мобилизующую роль в обществе. Но, с другой стороны, она не допускала проникновения в Россию иной, особенно западной, культуры, которая после раскола христианства рассматривалась как враждебная. Выполняя эту свою охранительную функцию, она консервировала отставание России от ее развитых соседей и противилась всяким новациям, особенно если они перенимались от Запада. Именно это обстоятельство побудило реформатора Пет-

¹² Энгельс, Ф. Юридический социализм / К. Маркс, Ф. Энгельс // Соч. – Т. 21. – С. 495.

¹³ Там же. – С. 496.

¹⁴ Там же. – С. 496–497.

ра I упразднить патриаршество, что означало огосударствление церкви и лишение ее политической самостоятельности. Тысячелетняя духовная власть Русской православной церкви и деспотический монархический строй, конечно, сдерживали развитие общества, но не могли его остановить. Реформы Петра I способствовали развитию в России светского права, которое все же во многом происходило под заметным влиянием западноевропейской философии и юриспруденции. Как это происходило, описывает Н. М. Коркунов: «...нам приходилось начинать с усвоения плодов чужой работы, и нам прежде всего надо было подняться до уровня иноземной науки... Тем не менее, в каких-нибудь полтора-два столетия мы почти успели наверстать отделившую нас от западных юристов разницу в шесть с лишком столетий»¹⁵. В этих словах известного русского юриста ключ к разгадке «особой правовой интуиции, правового менталитета» русского человека. Путь, который западные страны прошли за шестьсот лет, Россия с несопоставимым с ними уровнем грамотности населения «проскакала» в четыре раза быстрее. Конечно, в условиях жесткого деспотического режима, духовного господства церкви и существовавшего тогда состояния правовой культуры русскому человеку было больше резона уповать на торжество [библейской] правды и божественной справедливости, нежели на силу права и закона.

Понятие правды в силу своей неопределенности, кажется, не может применяться юристами в теоретических работах, где требуются четкость, конкретность, точность используемых терминов, дефиниций. Тем не менее в трудах Н. А. Алексева, И. А. Ильина, Б. Н. Чичерина и других русских правоведов этот термин используется в сочетании с понятиями «право», «закон», «справедливость». Объяснить это можно двумя причинами. Во-первых, инерцией предшествующего теологического мышления. Во-вторых, отражением существующей социальной реальности, влиянием обыденного сознания на теоретическое.

В советскую эпоху понятие «правда», насколько нам известно, не использовалось в юридической научной литературе. Интерес к этой теме возник в конце 80-х гг. прошлого века у философов, а в начале этого столетия – у определенной части политической элиты.

---

¹⁵ Коркунов, Н. М. История философии права. – СПб., 1908. – С. 233.

Но если первых интересовал гносеологический контекст проблемы, то вторых – политико-правовой. Катастрофические последствия экономических реформ 90-х гг., обнищание народа, криминализация всех сфер общественной жизни вызвали у большинства населения разочарование в западных ценностях, которыми были мотивированы действия реформаторов. В обществе оказались востребованы идеи славянофилов и русских юристов, писавших о самобытности, отличном от Запада историческом пути России и особой правовой ментальности русского человека. Не без основания критически оценивая существующую правовую систему России, сторонники подобных воззрений считают необходимым реформировать ее в соответствии с устоявшимся многовековым укладом национального правового сознания.

Так, по мнению уже упомянутых Г. И. Райкова и В. В. Гальченко, реформа «должна начаться с изменения 18-й статьи Конституции, в которой должно быть записано: “Правда и совесть (а не права и свободы) человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов...” Не свободы, а Правда венчает закон»¹⁶. С точки зрения этих российских политиков, изменение 18-й статьи Конституции «будет иметь самые радикальные последствия для всего нашего правового строя»¹⁷. С этим выводом трудно спорить. Совесть – понятие этическое, правда – философско-публицистическое с неопределенным содержанием (если судить по публикациям дореволюционных юристов и современных политиков) и категориальным статусом. К чему придет Россия, если в ее основном законе заменить конкретные юридические понятия, за которыми стоят четкие обязательства государства по отношению к своим гражданам, пафосными декларациями, которые по определению никогда не могут быть реализованы государством? Такие «улучшения» Конституции вряд ли пошли бы ей на пользу, она, как известно, не страдает отсутствием декларативности¹⁸.

Учитывая, что правда, справедливость во многих публикациях сакрализируются, можно сказать, что подобная реформа была бы

¹⁶ Райков, Г. И., Гальченко, В. В. Указ. соч. – С. 10.

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Авакьян, С. Конституция и Парламент: размышления по поводу юбилея // Российская Федерация сегодня. – 2008. – № 23. – С. 2–3, 16–19.

возвратом к феодальному праву. То, о чем дипломатично умалчивают политики, достаточно откровенно озвучивает правовед. «Укрепление православия в России, – пишет В. В. Сорокин, – окажет одухотворяющее действие на юридическую систему страны и обеспечит воспроизводство права в изначально священном его смысле»¹⁹. Для этого, по мнению автора, «должно быть *ограничено в правах секулярное мировоззрение* (выделено мной. – Л. М.), несущее в себе угрозу духовной целостности мира и человека. Разъятие Права, Православия и Правды губительно для судьбы русского народа и мира в целом»²⁰. Следует заметить, что эти антиконституционные идеи, отдающие духом средневекового религиозного фундаментализма, принадлежат заведующему кафедрой теории и истории государства и права. Дух «Манифеста» Н. С. Михалкова во многом совпадает с идеями В. В. Сорокина. Разочаровавшись в настоящем, научная и творческая интеллигенция ищет спасения (будущее) в религии (прошлом). Это симптомы глубокого интеллектуального кризиса нашего общества²¹. Сакрализация гипотетических особенностей национального правового сознания выводит обсуждаемую проблему за рамки серьезного научного дискурса. Наша позиция станет более понятной в свете известной мысли Ф. М. Достоевского: «Если бы кто мне доказал, что Христос вне истины... то мне лучше хотелось бы оставаться со Христом, нежели с истиной»²². Для ученого с научным, а не религиозным мировоззрением истина безальтернативна, она является важнейшим мотивом его познавательной деятельности.

Возвращаясь к вопросу о существовании у русских особых рационально необъяснимых признаков, правовой ментальности, представляется, что серьезных оснований для такого вывода нет. В настоящее время у россиян (независимо от их этнической принадлежности) есть опасно низкий уровень правовой культуры, что объясняется не цивилизационными, тем более сакральными, фак-

---

¹⁹ Сорокин, В. В. Указ соч. – С. 617.

²⁰ Там же.

²¹ См. об этом: Гобозов, И. А. Интеллектуальный кризис общества // *Философия и общество*. – 2010. – № 3. – С. 5–21; Мусаелян, Л. А. Россия в XXI веке: постиндустриальная цивилизация или эпоха Средневековья? // *Философия и общество*. – 2002. – № 4. – С. 146–171.

²² Достоевский, Ф. М. Н. Д. Фонвизиной // *Полн. собр. соч.*: в 30 т. – Л., 1985. – Т. 28. – Кн. 1. – С. 176.

торами, а вполне земными конкретно-историческими, социально-экономическими причинами. Всякие размышления о том, что идеал России – «государство правды», что наш «Бог в правде, а не в силе», что русский человек мотивирован исключительно на правду, справедливость и т. д., есть политическое лицемерие, к которому одни прибегают для того, чтобы сохранить и укрепить духовную, а другие – политическую власть. Далеко не случайно то, что подобные идеи стали все чаще появляться в период глубочайшего кризиса, когда пришло осознание отсутствия эффективного руководства обществом и все большего отставания России от стран, идущих в авангарде исторического процесса. В США и Западной Европе (особенно в Скандинавских странах), где никто не кичится своей мотивированностью на правду и справедливость, высшие должностные лица, уличенные в публичной лжи, отстраняются от власти или добровольно уходят в отставку. Трудно припомнить нечто подобное из истории России, и вовсе не потому, что у нас не лгут. Если бы в России существовала такая традиция (а она должна была бы существовать при мотивированности россиян на правду и справедливость), то в стране по всей вертикали власти установилась бы политическая чехарда. Сакральное отношение россиян к власти, культивируемое церковью и самой властью, позволяет представителям последней руководствоваться в области морали и права известным принципом: «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку». «Где мораль утверждается на теологии, – писал Л. Фейербах, – а право – на божьих постановлениях, там можно оправдать и обосновать самые безнравственные, несправедливые и позорные вещи»²³.

Перейдем теперь к понятию правды. «Закон, – отмечает К. А. Неволин, – по существу своему есть вообще правда. Она или выражает ее требование, или устанавливает меры для использования сих требований на самом деле»²⁴. О связи закона и правды писал также и Б. Н. Чичерин²⁵. Осознавая неопределенность понятия правды, русские юристы полагали, что уяснение смысла этого термина яв-

²³ Фейербах, Л. Сущность христианства / Л. Фейербах // Избранные философские произведения: в 2 т. – М., 1955. – Т. 2. – С. 312.

²⁴ Неволин, К. А. Энциклопедия законовещения / К. А. Неволин // Полн. собр. соч.: в 6 т. – СПб., 1857. – Т. 1. – С. 20.

²⁵ Чичерин, Б. Н. Философия права. – М., 1900. – С. 1–2.

ляется компетенцией философии. «Точным и твердым образом существо правды может быть определено только в философии...», – констатирует К. А. Неволин²⁶. Такой же точки зрения придерживался и Б. Н. Чичерин²⁷.

Что же такое правда и как она связана с правом? Для ответа на этот вопрос необходимо рассмотреть соотношение понятий «истина» и «правда». Истина, как и противоположное ей понятие – «ложь», применяется в философии, естествознании, юриспруденции, публицистике, реже в обыденной жизни. Несмотря на близость и схожесть этих понятий, истина и правда даже чисто в гносеологическом аспекте, на наш взгляд, не тождественны. Под истиной в философии понимают такие знания, в которых адекватно отражается познаваемая действительность. Целью познавательной деятельности ученого является постижение истины, но не правды. Чем же отличается правда от истины? Согласно О. И. Грибаковой, правда жизни есть истина, которая трансформировалась в практической деятельности людей. Истина, по мнению автора, как нечто глубинное, должное не реализуется во всей своей полноте в индивидуальном существовании. Правда жизни, претендуя на полноту отражения, удерживает лишь кажимость, видимость явлений, процессов. Поэтому она выступает как превращенная форма истины²⁸. Фактически соотношение истины и правды О. И. Грибакова сводит к сущности и явлению. Для такого подхода есть определенные основания, поскольку всякое теоретическое знание, получая свое практическое воплощение, проявляется в повседневной жизни людей и отражается в их обыденном сознании. Но все же подобную трактовку соотношения истины и правды трудно назвать корректной. Как будет показано ниже, даже в гносеологическом контексте соотношение правды и истины не может быть сведено к явлению и сущности, оно сложнее. Кроме того, автор рассматривает лишь правду жизни, тогда как нас интересует правда в философском контексте. Такая же точка зрения относительно истины и правды

---

²⁶ Неволин, К. А. Указ. соч. – С. 1–2.

²⁷ Чичерин, Б. Н. Указ. соч. – С. 1–2.

²⁸ См.: Грибакова, О. И. Понятие «истины» и «правды жизни» в контексте формирования мировоззренческой культуры студентов // Вопросы общественных наук. – Киев, 1992. – № 50.

у И. А. Гобозова и Н. Б. Зазаевой. «На наш взгляд, – пишут они, – следует различать понятия истины и правды. Конечно, оба понятия отражают объективную действительность, но отражают по-своему. Истинное отражение связано с сущностью, а правдивое – с явлением. Истина отвечает на вопрос “Почему?”, а правда – “Как?”. Истина – это процесс, причем процесс длительный, в некоторых случаях даже бесконечный, а правда – факт. С нашей точки зрения, юридические науки занимаются не установлением истины, а установлением правды. И не случайно следователь задает вопрос обвиняемому в духе “как?”, а не “почему?”»²⁹. На наш взгляд, в позиции авторов есть спорные моменты. Оставляя в стороне вопрос о соотношении истины и правды как сущности и явления, необходимо отметить, что истина действительно может быть бесконечным процессом, если под ней понимать абсолютную истину как полное, исчерпывающее, точное знание о мире в целом. Но это является проблематикой философии, а не юриспруденции. Науки чаще всего имеют дело с истиной конкретной – знаниями, являющимися адекватным отражением отдельного процесса, явления бесконечного мира. И в этом контексте истина может быть отражением конкретного события, факта, например начала Великой Отечественной войны или совершения террористического акта. В то же время и в праве познание истины может оказаться длительным процессом. Так, скажем, для раскрытия заказных убийств порой и одного года оказывается мало. По крупицам усилиями многих людей собирается информация, чтобы раскрыть истину, кто – заказчик, кто – исполнитель, каковы мотивы преступления. Трудно согласиться и с тем, что юридические науки занимаются поиском правды, а не истины. «В теории права, – отмечает В. М. Сырых, – категория истины применима ко всем видам знаний, в том числе к научным фактам, правовым понятиям, теориям»³⁰. Это действительно так, ибо любая наука, занятая идеальным освоением действительности, озадачена получением истинных знаний. Что касается работы следователя, то это деятельность практическая, и он (следователь) задает подобный

²⁹ Гобозов, И. А., Зазаева, Н. Б. Философия права – составная часть социальной философии // Философия и общество. – 2008. – № 1. – С. 15.

³⁰ Сырых, В. М. Элементный состав / В. М. Сырых // Логические основания общей теории права: в 2 т. – М., 2004. – Т. 1. – С. 316.

вопрос «как?» для того, чтобы выявить, скажем, противоречия в показаниях подозреваемого или уяснить подлинную картину совершения преступления; одним словом, раскрыть истину, а не правду, если правду не сводить к истине, что чаще всего и делается на уровне обыденного сознания. Сказанное вовсе не означает, что автор этих строк отрицает правомерность применения понятия правды в праве. К этому вопросу придется вернуться чуть позже, но прежде необходимо выяснить, в чем же отличие правды от истины.

Любая правда основана на истине, включает в себя истину, но не сводится к ней, ибо имеет еще форму убеждений, уверенности, веры³¹. Чем обусловлена присутствующая в правде убежденность, уверенность и даже твердая оценка? Правда заключается не просто в знании истины, то есть констатации факта, но и в умении видеть его в цепи событий, тесной связи с обстоятельствами, породившими данный факт, и следствиями, которые он вызвал или вызовет. Иначе говоря, правда основана не только на знании истины, но и на понимании ее как значимого знания. Знания приобретают значимый характер только тогда, когда есть их понимание, то есть человек знает все обстоятельства, обусловившие данное событие, и особенно те последствия, которые оно в свою очередь вызвало или вызовет. Такое понимание придает знаниям (правде), с одной стороны, форму убежденности, уверенности, с другой – позволяет человеку комментировать, интерпретировать знания. Стало быть, знание и понимание не одно и то же, последнее есть нечто большее, чем просто знание, оно предполагает возможность интерпретации имеющихся знаний. Это различие станет очевидным, если вспомнить примеры «слепого» заучивания, зубрежки, запоминания материала некоторыми студентами без понимания существа дела. Понимание значимости знаний позволяет человеку давать оценку событийному факту. Поэтому правда помимо собственно знания истины, понимания, убежденности, уверенности несет в себе аксиологическую (оценочную) компоненту. Но оценки определяются системой ценностей, существующей в обществе, в котором прошел социализацию и живет индивид. Поэтому оценки относительно одного и того же события могут быть различными в разных общест-

---

³¹ Дубровский, Д. И. Обман. Философско-психологический анализ. – М., 1994. – С. 53.

вах, соответственно и правда будет разная, хотя истина одна. Но даже в одном и том же обществе относительно одних и тех же событий может быть разная правда. «Мера человеческой оценки, – пишет Л. Фейербах, – вырабатывается в зависимости от сословной принадлежности и различных степеней богатства и бедности»³². Утверждая, что у разных социальных групп своя правда, не впадаем ли мы в гносеологическо-аксиологический релятивизм? Очевидно, нет, если учитывать, что правда означает не только истинное, правильное, верное, но и должное, справедливое. Правда является должным, справедливым, если оценочная компонента в ней отвечает высшим ценностям, соответствующим идеалам человечности³³. Справедливость – это понятие о должном, обусловленное пониманием сущности человека и его неотъемлемых прав³⁴. Как нравственно-правовое понятие справедливость содержит в себе требование соответствия между правами и обязанностями индивидов, их трудом и вознаграждением, преступлением и наказанием. Нарушение указанного соответствия оценивается как несправедливость. Соответствие между деянием и воздаянием может быть нормой в обществе, где человек признается высшей ценностью, мерилом и критерием оценки поступков людей, деятельности социальных институтов. Интересы, требующие нарушения этого соответствия, как отмечает Д. Ролз, не имеют ценности и не являются основанием для поправа справедливости³⁵. Справедливость не может быть «предметом политического торга и калькуляции социальных интересов»³⁶. В таком обществе торжество правды означает торжество справедливости и наоборот. Поскольку в основе правды лежит истина, то безусловно прав Д. И. Дубровский, который отмечает, что истина и справедливость выступают двумя взаимообуславливающими ипостасями правды³⁷. Правда, включающая оценки на основе понимания человека как высшей ценности, дает основание относиться к истине как к важнейшей добродетели познава-

³² Фейербах, Л. История философии: в 3 т. – М., 1967. – Т. 1. – С. 464.

³³ Дубровский, Д. И. Полуправда: ее природа и социальные функции. – С. 17.

³⁴ См.: Ролз, Д. Теория справедливости. – Новосибирск, 1995.

³⁵ Там же. – С. 41.

³⁶ Там же. – С. 38.

³⁷ Дубровский, Д. И. Полуправда: ее природа и социальные функции. – С. 17.

тельной деятельности человека, а к справедливости – как к первой добродетели общественных институтов.

Противоположностью истины является ложь, контрарным понятием правды выступает обман (неправда). Обман может проявляться в самых разных формах: как откровенная ложь, как полуправда и т. д., анализ которых не входит в нашу задачу³⁸. Если правда обуславливает справедливость, то обман, напротив, порождает несправедливость, особенно когда речь идет о намеренной лжи. Последняя в отличие от правды основана на низших ценностях. Такие добродетели, как истина, справедливость, совесть, достоинство, честь, для транслятора обмана не являются определяющими. Лжеца обыкновенно называют бесчестным человеком. Это означает, что у него нет чувства человеческой чести, он не в состоянии осознавать общественную значимость своих поступков, не способен нести ответственность за них (говорить правду), что свидетельствует также об отсутствии человеческого достоинства. Как видим, обман противоречит не только высшим ценностям – истине, справедливости, но и основополагающим нормам морали. Поэтому обман представляет безнравственную форму защиты собственных или групповых интересов³⁹.

На переходных этапах истории, в периоды глубочайших социальных кризисов, сопровождающихся нравственно-духовной деградацией общества, происходит резкое падение ценности человека и человеческой жизни. Человек из цели и высшей ценности общественной жизни превращается в средство. В этих условиях для немалой, причем социально-активной, части населения приоритетными оказываются не высшие, а низшие ценности. Намеренная ложь становится обыденным явлением общественной жизни. Поскольку трансляторы обмана чаще всего выступают как рьяные борники истины и справедливости, в обществе происходит эрозия представлений о высших социальных ценностях. Излишне говорить, что там, где обман становится обыденным явлением, не может быть свободы, ибо свобода прежде всего предполагает возможность выбора. «Человек, “живущий во лжи”, полный заблуждений относительно себя и окружающих, не может быть свобод-

³⁸ См.: Дубровский, Д. И. Обман. Философско-психологический анализ.

³⁹ Там же. – С. 6.

ным»⁴⁰. Но свобода есть «субстанция права» (Гегель), а право – нормативная форма бытия свободы. Поэтому там, где нет свободных индивидов, там нет и субъектов права, реально действующих правовых норм и отношений, соответственно нет и справедливости как компонента правды. В этой связи можно сказать, что привыкание к обману и примирение с ним деформируют не только нравственные, но и правовые механизмы социальной саморегуляции. Общество теряет управляемость и входит в социально-политический штопор, из которого только два выхода: потеря государственности или чрезвычайные меры. Таким образом, правда оказывается завязана с правом.

Возникают вопросы: существует ли правда в самом праве, можно ли говорить о юридической правде, каковы ее содержание и сущность? Представляется, что на первую часть вопросов следует ответить однозначно положительно. Содержание, точнее, структура юридической правды во многом схожа со структурой правды философско-публицистической, о которой говорилось выше. Как и любая правда, правда юридическая связана с истиной. Последняя есть результат познавательной деятельности, осуществляемой в правоприменительной практике в соответствии с установленными законом специальными требованиями (формами). Разумеется, истина является также результатом познавательной деятельности ученых-юристов. Однако эта юридическая деятельность здесь не будет рассматриваться нами, поскольку она, как и любое научное познание, ставит своей целью постижение истины, а не правды. Познание в правоприменительной сфере нацелено не на выявление социальных закономерностей, а на изучение конкретных юридических фактов, обстоятельств в связи с необходимостью применения правовых норм⁴¹. Иначе говоря, данная познавательная деятельность имеет локальный предмет исследования и решает ограниченные задачи. Это дает основание говорить, что ее результатом является конкретная истина. В философии под конкретной истиной понимается знание, полученное на основе познания определенной (конкретной) области бесконечного мира и отражающее конкретно-исторический уровень раз-

⁴⁰ Псевдонаучные знания в современной культуре (Материалы «круглого стола») // Вопросы философии. – 2001. – № 6. – С. 6.

⁴¹ Алексеев, С. С. Общая теория права. – М., 2008. – С. 528.

вития науки и общественно-исторической практики. В юриспруденции, насколько нам известно, понятие конкретной истины не применяется. Чаще используется словосочетание «истина по делу», «истина факта»⁴². Необходимо отметить, что осознание методологического значения философского учения об истине для решения правовых проблем среди ученых-юристов произошло достаточно давно, еще в 50–60-х гг. прошлого века. Об этом свидетельствует признание в юриспруденции в качестве общеобязательного требования правоприменительной деятельности принципа объективной истины. «Истина в юридическом деле, – указывает С. С. Алексеев, – должна быть полной, точной, действительной, то есть объективной истиной в строгом философском значении этого слова...»⁴³ Объективная истина в строгом философском смысле означает такое содержание наших знаний, которое не зависит от субъекта, не зависит ни от человека, ни от человечества⁴⁴. Игнорирование и тем более сознательное нарушение принципа объективной истины ведет к субъективизму, что, конечно, не может не сказаться на справедливости решения правоприменительного органа. Несомненно, принцип объективности истины является важнейшим требованием правоприменения, но является ли он необходимым и одновременно достаточным? Этот вопрос возникает, поскольку в гносеологии помимо конкретной и объективной выделяют еще истину относительную и, как уже отмечалось, истину абсолютную. Все эти виды истин характеризуют одно и то же знание, но в разных аспектах. Оценка знаний как объективной истины обусловлена применением принципа материализма к познавательному процессу и представляет характеристику знаний со стороны их онтологических оснований. Содержание наших знаний определяется предметом познания, и поэтому объективная истина носит парадоксальный характер. Хотя она и существует в сознании человека, тем не менее не зависит от самого человека, его сознания. Знание как результат идеального освоения действительности носит интенциональный характер, и поэтому истина всегда конкретна (является истиной факта, истиной

---

⁴² См.: Алексеев, С. С. Указ. соч.; Закомлистов, А. Ф. Судебная этика. – СПб., 2002; Он же. Юридическая философия. – СПб., 2003.

⁴³ Алексеев, С. С. Указ. соч. – С. 532.

⁴⁴ Там же. – С. 533.

по делу), что указывает на предметность, определенность содержания наших знаний как отражения обособленно существующих предметов, событий. Относительная и абсолютная истины характеризуют знания со стороны их полноты, всесторонности, точности, степени адекватности. Между всеми этими видами истин существует сложная диалектическая связь, которая не всегда одинаково трактуется даже философами. Возможно, именно это обстоятельство было одной из причин возникновения среди юристов дискуссии о применимости философских понятий к правовой практике. «В литературе, посвященной процессуальному праву, – пишет С. С. Алексеев, – идет спор о природе объективной истины, устанавливаемой по юридическим делам. В самом деле, какова истина, если рассматривать ее с позиций общефилософского значения об абсолютной и относительной истинах?»⁴⁵. «Если признавать истину в юридических делах абсолютной, – отмечает ученый, – то это не только противоречит ее характеру <...>, но и лишает какого-либо смысла существования системы обжалования и опротестования юрисдикционных решений, требует от них того, чего они не могут дать, да и не должны давать. Вместе с тем если считать истину в юридических делах относительной, то это явно подрывает авторитет юрисдикционных решений, дает основания предположить, что истина в юридических делах может быть неточной, приблизительной»⁴⁶. В своих размышлениях по поводу относительности истины в юридических делах автор, конечно, прав. Решение суда наверняка будет опротестовано (даже по формальным основаниям), ибо не были учтены все обстоятельства дела, иначе говоря, суд опирался на неполные, неточные знания. Однако трудно согласиться с С. С. Алексеевым в том, что если суд оперирует абсолютной истиной, исчезает возможность опротестования юрисдикционных решений, ибо в конечном итоге мотивом протеста или кассационной жалобы является не природа истины по делу, а несправедливость самого приговора. Суд может располагать полной, точной, исчерпывающей информацией по делу, но вынести спорное решение, поскольку, как нам видится, подобные решения зависят от многих факторов, и не всегда субъективных. Стороны, участвующие в пра-

---

⁴⁵ Алексеев, С. С. Указ. соч. – С. 534.

⁴⁶ Там же. – С. 533.

вовом процессе (обвинение, защита, судья), конечно, опираются на истину по делу, но руководствуются, на наш взгляд, юридической правдой, которая у субъектов права может быть разной (скажем, у прокурора и адвоката). Обнаружив неразрешимое противоречие при применении абсолютной и относительной истины в юридических делах, С. С. Алексеев считает неоправданным использование этих категорий в правоприменительной практике. Ученый присоединяется к точке зрения Ю. К. Осипова, согласно которой «в вопросе о характере истины в судебном процессе практически важно не то, является ли она абсолютной или относительной (такая постановка вопроса в данном случае практически вряд ли уместна), а то, что она является объективной истиной, то есть представляет собой соответствие выводов суда, содержащихся в приговоре, или решении действительности»⁴⁷. Прежде всего уместно отметить, что приговор суда нельзя оценивать в аспекте его истинности или ложности, он может быть справедливым или несправедливым⁴⁸. Конечно, познание в правоприменительной деятельности отличается от теоретического научного познания, тем не менее необходимость применения в юридических делах понятия относительной и абсолютной истины не вызывает сомнений, поскольку различные виды истин, как уже отмечалось, характеризуют разные аспекты полученных знаний. Истина факта (убийство, ограбление, мошенничество и т. д.), несмотря на свою объективность, может и не быть полным, исчерпывающим знанием по юридическому делу, которое могло бы быть основанием для совершения правосудия. Для этого она должна стать истиной абсолютной.

Понятие абсолютной истины, на наш взгляд, имеет два смысла. Первый, предельно широкий, философский, означает полное, исчерпывающее, точное знание о мире в целом. Понятно, что эта истина есть бесконечный процесс приближения к этому знанию. Второй смысл – это полное, исчерпывающее, точное знание о конкретном предмете, событии, юридическом факте. Юридическая истина по делу есть всегда конкретная истина, и в силу своей конкретности она вначале выступает как относительная истина, то есть как неполное, неточное знание о событии. В последующем в результа-

⁴⁷ Алексеев, С. С. Указ. соч. – С. 534.

⁴⁸ Сырых, В. М. Указ. соч. – С. 324–327.

те работы органов дознания, следствия и самого суда эта истина из относительной должна превратиться в абсолютную и представлять исчерпывающее, полное, точное знание события (скажем, обстоятельств совершения преступления, мотивов и т. д.). Решение суда должно опираться на истину абсолютную и, конечно, объективную. Если руководствоваться принципом неисчерпаемости («электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна...»)⁴⁹, то знания не только о мире, но и о любом конкретном предмете не могут признаваться абсолютно полными, точными, исчерпывающими, раз и навсегда данными и неизменными. Это, конечно, так. Но в правовом познании необходимо различать знания значимые и не значимые для понимания сущности данного юридического дела и соответствующей правовой квалификации деяния. Если, например, все пострадавшие хорошо знают мошенника, для суда малозначима информация о цвете его ботинок или галстука. Зато принципиально важно знание об используемых им «схемах» осуществления афер, масштабах ущерба и т. д. Подобная информация имеет конечный характер и позволяет получить полное, точное, исчерпывающее знание по существу дела.

Как известно, правовое познание состоит из двух структурных компонентов: исследования фактических обстоятельств дела и осмысления правовых предписаний, образующих юридическую основу применения толкования. В единстве они образуют интеллектуальную основу правоприменения. Для сторон правового процесса эта интеллектуальная основа правоприменения как по своему содержанию, так и по характеру оказывается юридической правдой. Почему? Вспомним, что правда помимо истины факта включает в себя знание всех обстоятельств, которые способствовали возникновению данного факта, и тех последствий, которые вызвали это событие. Такое всестороннее знание дает возможность интерпретировать данное событие, что свидетельствует о понимании сущности происшедшего факта и его значимости. То же самое можно сказать относительно правового познания, которое включает в себя установление юридического факта противоправного деяния (непо-

---

⁴⁹ Ленин, В. И. Материализм и эмпириокритицизм / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 18. – С. 277.

средственное познание) и исследование всех обстоятельств, при которых произошло данное преступление (опосредованное познание). Получение самого исчерпывающего знания по юридическому делу (выявление преступника, мотивов его деяния, конкретных данных о способе совершения преступления, свидетелей, прямых и косвенных улик, последствий для потерпевшего и т. д.) дает понимание сущности исследуемого противоправного деяния и позволяет интерпретировать его как с позиций чисто человеческих (неправовых), так и с правовых. Постигание полной, исчерпывающей информации по юридическому делу позволяет субъекту права как транслятору истины придать своим знаниям эмоционально-оценочную компоненту убежденности во владении правдой. Но в правде вообще и юридической правде в особенности важна не столько субъективно-эмоциональная, сколько аксиологическая (в праве – институционально-оценочная) компонента. Очевидно, что не всякое жизненное событие превращается в юридическое дело, а лишь то, которое нуждается в правовом регулировании, получает соответствующую институциональную оценку и становится предметом юридических действий со стороны правоприменительных органов. Поэтому важной стороной деятельности правоприменительного органа является познание и выбор правовых норм, на базе которых дается оценка расследуемого жизненного случая и, таким образом, устанавливается юридическая основа дела. Определяя правовую квалификацию расследуемого дела, правоприменительный орган стремится найти точную юридическую форму выражения воли законодателя. Поскольку в идеале в юридической оценке расследуемого дела адекватно отражается воля законодателя и в определенной мере всего общества, она не [должна] носит[ь] субъективный характер. Поэтому даже формально юридическая правда отнюдь не «отсебятина» (в том смысле, что у каждого своя собственная правда), а объективно обусловленный правовой феномен. В идеале *по своему содержанию она представляет полное, исчерпывающее, объективно-истинное знание обстоятельств дела, его правовую интерпретацию и оценку*. Кроме того, как уже отмечалось, в правде, в том числе и юридической, есть чувственно-эмоциональная компонента, проявляющаяся в уверенности, убежденности субъек-

та права в своей правоте, что именно такая интерпретация и оценка расследуемого жизненного случая является правильной и лишь она может быть основанием справедливого решения. Представляется, что эта компонента юридической правды не играет существенной роли при принятии решения правоприменительным органом. Однако ее значение может сильно возрасти, если вердикт выносят присяжные заседатели. К сказанному можно было бы еще добавить, что юридическая правда, которой оперирует человек, представляющий правоприменительный орган, и его собственное понимание правды («правды жизни») как частного лица могут не только не совпадать, но и находиться в коллизии друг с другом. Очевидно, что и правда коллегии присяжных заседателей далеко не всегда может совпадать с юридической правдой правоприменительных органов. В этом, как нам представляется, одна из причин того, что вердикты суда присяжных достаточно часто оспариваются прокуратурой и судом высшей инстанции.

Юридическое познание есть чрезвычайно сложный рефлексивный процесс, где расширение знания об обстоятельствах дела требует более глубокого осмысления правовых норм и актов, а анализ правовых норм делает необходимым новое обращение к фактам. Это означает, что юридическая правда, которая формируется при правовой квалификации жизненного случая на начальных этапах его расследования, может существенно отличаться от правды, выявленной на заключительном этапе деятельности правоприменительных органов. Иными словами, юридическая правда процессуальна, она может меняться во времени. Но как ни парадоксально, даже в одно и то же время при единстве предмета расследования, преследуемой цели (справедливость), средств ее достижения (право и ее инструментарий) юридическая правда у разных субъектов права, участвующих в правоприменительной деятельности, может оказаться (и чаще всего оказывается) разной. Разные субъекты права (скажем, прокурор и адвокат) при формальном единстве цели представляют разные стороны, выражают различные интересы и решают разные задачи. Это определяет различие их подхода в интерпретации конкретных фактов, в своей совокупности представляющих обстоятельства дела. В свою очередь разная интерпретация и оцен-

ка фактов дает основание по-разному квалифицировать расследуемый жизненный случай. Еще больше различий в трактовке юридической правды у разных субъектов права может возникнуть при познании и выборе норм права, поскольку этот процесс связан еще и с поиском точного текста нормативного акта, правильного понимания его толкования, определенных действий, необходимых для восполнения возможных пробелов, обнаруженных в праве, и т. д. В идеале *юридическая правда*, на основе которой выносится решение суда, должна иметь *объективно обусловленное содержание, представляющее, с одной стороны, полное, исчерпывающее знание обстоятельств дела (объективный и абсолютный характер истины по делу), с другой – правовую оценку (квалификацию) данного юридического факта, в которой точно (адекватно) выражена воля законодателя и одновременно учтены интересы (права) сторон (истца и ответчика, потерпевшего и обвиняемого)*. В этом случае решение правоприменительного органа будет свидетельствовать о торжестве закона и справедливости. Однако современное позитивное право, как подметил Д. Ролз, независимо от своей национально-государственной формы несет в себе потенциальные возможности принятия правоприменительными органами решений, далеких от справедливости. К факторам, порождающим подобные результаты, ученый относит расплывчатость законов в общем и широкую сферу дозволенных их интерпретаций, процедурное несовершенство уголовного суда, когда даже формальное следование закону может привести к судебной ошибке; чрезвычайную усложненность юридических норм, правил, затрудняющих понимание их смысла и точное выполнение требуемых предписаний⁵⁰. На несовершенство российского законодательства, нередко порождающего из-за этого произвол, указывает Председатель Конституционного суда РФ В. Д. Зорькин⁵¹. По оценкам экспертов ежегодно принимаются тысячи законов, однако каждый седьмой закон содержит серьезные ошибки⁵². Учеными-юристами оценивается резко критически существующий

---

⁵⁰ Ролз, Д. Указ. соч. – С. 65, 86, 212.

⁵¹ Зорькин, В. Д. Стандарт справедливости // Российская газета. – 2007 г. – 8 мая. – С. 13.

⁵² Ямшанов, Б. Ошибки в законе // Российская газета. – 2007 г. – 7 декабря. – С. 6.

УПК РФ, который по ряду своих положений не только не отвечает международным требованиям к подобного рода документам, но и существенно уступает по качеству аналогичным кодексам ряда республик СНГ⁵³. Несовершенство законов при определенных условиях может негативно сказаться как на расследовании обстоятельств дела, так и на определении его юридической основы, что, конечно, влияет на содержание и характер юридической правды, которой оперируют правоприменительные органы. Формально суд руководствуется юридической правдой, но в такой правде могут отсутствовать объективно обусловленное содержание и адекватная правовая оценка – обязательные условия справедливого решения. В действительности под формой юридической правды может скрываться правовая ошибка (неправда), определяющая несправедливое решение суда.

Частота совершаемых юридических и судебных ошибок, их характер зависят от знания, опыта, интуиции, нравственности тех, кто применяет это важнейшее достижение цивилизации. «Как бы хороши ни были правила деятельности, – писал А. Ф. Кони, – они могут потерять свою силу и значение в неопытных, грубых или недобросовестных руках. Чем больше оттенков в своем практическом применении допускают эти правила, тем грубее касаются они личности и участия человека, тем более важным интересам общественной жизни они служат, тем серьезнее представляется вопрос, в чьи руки отдается применение этих правил и при каких условиях»⁵⁴. «Законы важны не тем, что они написаны на бумаге, – отмечал В. И. Ленин, – но тем, кто их проводит...»⁵⁵

Люди, в чьих руках находятся законы, могут совершать две разновидности юридических ошибок. Первая – когда в их действиях нет умысла в совершении произвола. В процессе юридического познания допускается произвольная ошибка, которая воспринимается правоприменительными органами как правда, а затем на основе такой юридической правды выносятся несправедливые реше-

---

⁵³ См.: Дубровский, Д. И. Полуправда: ее природа и социальные функции.

⁵⁴ Кони, А. Ф. Нравственные начала в уголовном процессе / А. Ф. Кони // Собр. соч.: в 8 т. – М., 1967. – Т. 4. – С. 34–35.

⁵⁵ Ленин, В. И. Доклад на собрании большевиков / В. И. Ленин // Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 110.

ние. В философии неумышленно допущенная ошибка (знания, в которых неточно отражается, неадекватно интерпретируется сущность познаваемого предмета), принимаемая за истину, называется заблуждением. Правда, если она основана не на истине, а на ошибке (заблуждении), строго говоря, есть неправда. Применительно к праву подобный феномен, вероятно, может быть назван правовым заблуждением, которое отождествляется правоприменительными органами с юридической правдой. Понятно, что такие ошибки свидетельствуют о низком профессионализме правоприменительных органов. В этом, на наш взгляд, еще одна из причин того, почему множество оправдательных приговоров, выносимых судами присяжных у нас в стране, обжалуются и пересматриваются в судах высших инстанций. Согласно некоторым исследованиям, 70 % дознавателей органов внутренних дел РФ не имеют высшего юридического образования⁵⁶. Но не лучше обстоит дело и у большинства тех, кто такое образование имеет. Согласно А. А. Фурсенко, из 700 тыс. ежегодно выпускаемых юристов лишь 7–10 % имеют надлежащую квалификацию⁵⁷.

Другая разновидность юридических ошибок – те, которые совершаются умышленно. Сознательно допущенная ошибка с целью введения кого-либо в заблуждение есть обман, ложь. Обман оказывается тем успешнее, чем выше авторитет транслятора лжи. В праве авторитет законодателя, государства дает возможность человеку, представляющему правоприменительный орган, довольно легко под личиной юридической правды провести ложь (неправду) и совершить произвол, несправедливость. Согласно председателю Следственного комитета при прокуратуре РФ А. И. Бастрыкину, только за шесть месяцев 2008 г. были возбуждены уголовные дела против 95 следователей, 13 прокуроров, 18 судей, 72 адвокатов⁵⁸. Поскольку несправедливость творится от имени закона и государства, в обществе возникает недоверие к этим институтам, призванным бороться с произволом. Теряется вера людей в торжество

---

⁵⁶ Еникеев, З. Д. Совершенство законов и эффективность их принятия как высшее условие борьбы с преступностью // Интернет-ресурс. Режим доступа: [http://Kalinovsky-K.narod.ru\(b\)uba20042.enikeev.htm](http://Kalinovsky-K.narod.ru(b)uba20042.enikeev.htm). Дата доступа: 15.04.2009.

⁵⁷ Кузьмин, В., Куликов, В. Законный брак // Российская газета. – 2009 г. – 17 апреля. – С. 2.

⁵⁸ Богданов, Вл. Коррупция по списку // Российская газета. – 2008 г. – 8 августа. – С. 7.

правды и справедливости. Правовой нигилизм постепенно становится обыденным явлением на всех ступенях социальной пирамиды, усиливая произвол и беззаконие. Происходит эрозия высших социальных ценностей. Право и мораль перестают быть социальными регуляторами жизнедеятельности людей, возникает угроза существованию самого государства. На эти негативные тенденции, возникшие у нас в стране, указывает председатель комитета Госдумы по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству П. В. Крашенинников: «...уважение к закону, духу закона, правосудию не стало высшей ценностью ни для чиновников, ни для элит, ни для народа. И это обстоятельство начинает сильно тормозить развитие страны, усугубляет кризисные явления <...> лишает страну перспектив»⁵⁹. Таким образом, фальсификация юридической правды оказывается крайне негативным явлением для общества не только потому, что допускает произвол в отношении конкретных людей, но и по своим социальным последствиям.

Что можно предпринять, чтобы минимизировать неумышленную и умышленную фальсификацию юридической правды? Представляется, что в нашей стране решение этой задачи находится не только и не столько в сфере экономической, сколько в социально-духовной. Очевидно, что истоки низкого профессионализма людей, занятых правотворческой, правоохранительной и правоприменительной деятельностью, надо искать в сложившейся системе образования, находящейся в глубоком кризисе. Реформы 90-х гг., прошедшие на основе идей рыночного фундаментализма, радикально изменили социальные ценности, идеалы общества, дегуманизировали социальную реальность. Коммерциализация и клиентизация системы образования превратили вузы в образовательные учреждения по предоставлению образовательных услуг. Озадаченные выживанием и реагируя на ажиотажный спрос, вузы стали в массовом порядке готовить юристов, хотя многие из них не имеют для этого ни материальной, ни особенно интеллектуальной базы. Понятно, что образование в них носит преимущественно имитационный, символический характер. Сегодня в стране студентов по юри-

---

⁵⁹ Кузьмин, В., Куликов, В. Указ. соч. – С. 2.

дическим специальностям готовят 1165 вузов, и только 52 из них – профильные⁶⁰. Планируемая министерством образования и науки, а также Ассоциацией юристов России государственная и общественная аккредитация юридических вузов и факультетов с опубликованием их рейтингов, возможно, уменьшит количество инкубаторов, выращивающих псевдоюристов. Это наверняка скажется на качестве подготовки юристов, но все же представляется, что указанные мероприятия являются лишь паллиативом. Дело в том, что коммерциализация образования основательно изменила сущность этой важнейшей сферы деятельности. Рынок, особенно если он дикий, работает по принципу: максимум прибыли при минимуме издержек. Это не могло не сказаться на интеллектуальных затратах как тех, кто учится, так и тех, кто учит. Образование не только приобрело имитационный характер, но и лишилось своей важнейшей воспитательной компоненты. Оно дегуманизировалось⁶¹. Выдавая «на-гора» сотни тысяч юристов⁶², вузы мало заботились о том, чтобы будущий обладатель диплома был порядочным человеком и достойным гражданином. Между тем именно эта нравственная компонента личности правоведа имеет важное значение для предотвращения умышленной фальсификации юридической правды, честного выполнения своих профессиональных обязанностей. Следует согласиться с П. В. Крашенинниковым в том, что без мотивированности на торжество правды, права, справедливости профессия юриста теряет смысл⁶³. Такие же идеи высказывают Д. Ролз⁶⁴ и В. В. Сорокин. Люди не позволят педофилу работать в образовательном учреждении, будь у него хоть десять дипломов самых престижных педагогических институтов. Почему же они доверяют свою судьбу человеку с дипломом юриста, невзирая на его нравственные качества? Не будет преувеличением сказать, что некоторые идеи Платона сегодня чрезвычайно актуальны. Юридическое обра-

⁶⁰ Кузьмин, В., Куликов, В. Указ. соч. – С. 2.

⁶¹ См.: Мусаелян, Л. А. Болонский процесс и повышение качества образования // Университет в системе непрерывно образования: материалы Международной научно-методической конференции. – Пермь, 2008. – С. 11–16.

⁶² Я так считаю (Беседа с С. Степашиним) // Российская газета. – Неделя. 2009 г. – 23–29 апреля. – С. 8.

⁶³ Кузьмин, В., Куликов, В. Указ. соч. – С. 2.

⁶⁴ Ролз, Д. Указ. соч. – С. 65.

зование должно сопровождаться формированием личности, обладающей обязательными для будущей правовой деятельности нравственными качествами: правдивостью, честностью, совестью, состраданием, патриотизмом и т. д., – без которых невозможны самоограничение, саморегуляция индивидов, наделенных властью. Поэтому, как нам кажется, требуется радикальное изменение идеологии и политики российского образования вообще и юридического в особенности.

Наконец, еще одним барьером на пути юридических ошибок и фальсифицированной правды может быть транспарентность всей системы российского права, позволяющего контролировать ее работу со стороны гражданского общества. Суды присяжных есть шаг в этом направлении. Но чтобы подобные меры давали должный эффект, нужно существенное повышение правовой культуры общества, поскольку, как было показано, юридическая правда далеко не всегда совпадает с правдой жизни.